

ДРЕВО ЖИЗНИ ЦЕХА №79

Русский национальный театр объявил о начале триумфального шествия по России

Николай ФОХТ, «Известия», — 1994 — 16 ноября — 17.

Единственное представление дал в московском Концертном зале им. П. И. Чайковского Русский национальный театр. Фольклорный спектакль «Древо жизни» был приурочен к началу активной гастрольной деятельности нового театра, а посвящен дню рождения Череповца, где этот коллектив появился и процветает.

Чувство глубокого умиротворения вызывает история жизни Русского национального театра под руководством Евгения Максимова. Невозвратный сюжет из прошлого: Череповецкой металлургической комбинат берет под опеку фольклорный коллектив, а с ним вместе как бы всю уходящую русскую народную культуру. С полузабытой гордостью из 70-х слушался рассказ генерального директора АО «Северсталь» о гармоничном сосуществовании культуры и производства на Череповецком металлургическом. Оказалось, что рабочие лучше работают, если перед сменой ознакомятся с творчеством, как раньше сказывали бы, подшефного коллектива. Выяснилось также, что дела в самом Череповце идут на удивление хорошо, причем во всех направлениях. На площадях, цитируя директора АО, «быют идеально отрегулированные фонтаны, трепещут разноцветные флаги, гуляют мамы с чистенькими детьми». Не беда, что в городе «нет старинной

архитектуры» (эта самая архитектура всего-навсего затоплена Рыбинским водохранилищем, а монумент просто разрушен), «зато сияет хрусталем и огнями новенький Дворец металлургов, в котором бурно кипит жизнь». Рядом с Дворцом металлургов строится храм (в прямом смысле), а цивилизация достигла такого уровня, что «журналистам на пресс-конференции приходится стесняться пыльных джинсов и «демократического», «своего» большого города, отношения к искусству».

После длительного представления театра журналистам в пыльных джинсах, после обильного публичного обмена благодарностями между руководителями театра и руководителями «Северстали» состоялся спектакль, который начался низким полнотоном Череповецкому комбинату, а закончился осенней ему же.

В промежутке же было изящное, доброжелательное и профессиональное действо. Северный колорит, не сдавшаяся ортодокс

сальной, христианской культуре культуры исконная, языческая. «Святки», «На Богоя», «Покровские беседы» — тревожная ностальгия по тому, чего с нами никогда и не было. Темная память крои по святочным гаданиям, наивные страхи предков, необъяснимость любви... Не заплывшая демонстрация красок и пр. — уществ национальной культуры — грустное воспоминание об истоках. Спектакль слишком эмоционален, чтобы быть учебным пособием по национальным обрядам, хотя о просветительской функции коллектива говорилось много.

— Сегодня отношение к русскому фольклору, мягко говоря, прохладное, мы стесняемся быть русскими, — рассказывает художественный руководитель Русского национального театра Евгений Максимов. — Мы хотели продемонстрировать москвичам, что фольклор жив, что молодые люди с удовольствием поют и танцуют народные. В наш театр огромный конкурс. На севере России культура сохранилась практически: а непростительности: климат, бездорожье, вино, поэтому память в каждой деревне своя — к

дьян праздник особое представление. Спектакль «Древо жизни» сделан по всем законам театрального искусства, но ничего в нем,

ни одного слова не придумано.

— А насколько публика готова воспринимать эту непривычную культуру?

— Десять выступлений в Вологде, десять — в Сочи показали, что готовы. В Сочи, например, мы устраивали живую рекламу. Перед выступлением ходили по пансионатам, звали народ. На первом выступлении было только семьдесят зрителей, потом — двести, четыреста, а последние спектакли шли при аншлагах.

— Вы двадцать лет работаете в фольклорном жанре. Изменилось ли к нему отношение за эти годы? — Как и все другие, этот жанр зависит от человека. Чтобы появился спектакль «Древо жизни», его нужно было пережить, выстрадать. Раньше, конечно, много делали по указке сверху, вплоть до включения в концерты псевдонародных песен о советской власти и Ленине. Сегодня легче отстоять главную идею представления — показать правду.

Когда спектакль смотрел владыка Максимович, он, естественно, увидел противоречия между православием и язычеством: «У вас же есть веселые песни, жизнерадостные танцы — зачем пока

зывать языческих идолов, поэтизировать всякую ворожбу, которая заказана христианам?

А я-то как раз не хочу, чтобы все сводилось к подтанцовкам и притяжкам.

Поэтому попросил у владыки оставить все, как есть: с языческими обрядами, с волюнтаризмом, которые позволяли себе молодые люди на Святки или Покровские беседы. В общем, взял грех на душу.

— Вы объявили, что театр отпразднует в большом плавании. Что это значит?

— Гастроли расписаны на год. Хотя дома на нас обижаются: почему так мало там выступаем. Мы ведь считаемся цехом № 79 Череповецкого металлургического. Всего же цехов 98 — целый год можно гастролировать только по комбинату.

Из приматного разговора с осведомленными лицами выяснилось, что на данном этапе Русский национальный театр приносит прибыль — не только духовную, о которой столько говорили хозяева театра, а самую что ни на есть материальную. В общем, цех № 79 — настоящий ударник труда.

Рис. О. Теслера.

Смелый
русский национальный театр